

*Моск. Комсомолец
1987 - 7 июля*

О, ТЕРПЕНЬЕ МОЕ!

СЕГОДНЯ то, что происходит с театром, пожалуй, даже интереснее того, что в нем показывают. Словно бы театр сам стал героем какой-то пьесы, которая захватывает, а порой и отлекает внимание от текущего репертуара и сцены. Чего стоят хотя бы одни только студии, мастерские, какие-то еще объединения, возникающие почти на каждой улице с энергией шампиньонов после обильного летнего дождя!

Какого это заслуживает отношения? Самого положительного, если хотите, даже до конкретной оценки того, что именно возникло. Неудачники недолговечны, а у нас есть из чего выбирать для будущего. Да и не в будущем театре тут главное, а в сегодняшнем зрителе. Особенно молодом!

Он должен стать таким-то и таким-то, говорим мы нередко, он должен нам чуть ли не все на свете. К счастью, он вырастет все-таки не таким, как удобнее нам, а как-то иначе, по-своему. Но вот что он должен на самом деле: знать, что есть на земле, кроме магнитофона и дискотеки, телевизора или даже кафе, такое место — Театр. Там человек получает какие-то витамины, которых в другом месте не найдешь: свободу и зримость поступка, эстетическое взаимодействие не через пленку, а, что называется, дыхание в дыхание. Без театра не бывает, например, гражданина: это хорошо знали древние, бедным давали специальные деньги на посещение театра, да и где так воспитаешь патриота в эпоху греко-персидских войн, как на представлениях «Персов»!

Театр тоже кое-что должен. Сначала — даже не отточненное мастерство, не совершенную пластику, не притягательное зрелище. Все эти компоненты могут присутствовать и рождать тягостное ощущение фальши, если нет искренности, необходимости высказывания. В театре самодельность имеет возможность не только дать бой любому профессионализму, но и подчас, увы, имеет свои преимущества. Другое дело, как их удастся использовать.

Это, наверное, и имела в виду молодая театральная мастерская на Старом Арбате, с эстетичной дерзостью принявшая название «Дилетант».

ЧТО ЖЕ ДАЛЬШЕ? Играть надо! Что?

Сейчас как раз многими отмечаемая репертуарная пауза. Пьеса — язык театра, выбор — первое слово этого языка, а если он не получается? Молчать, что ли?

Здесь не могут. Пока раскачиваются драматурги, можно вспомнить: половина сегодняшнего репертуара — инсценировки, то есть проза, порой плохо разжеванная. Однако сама-то проза сегодняшняя явно соскальзывает в сторону публицистики. Что же, ждать прозу и драматургию? Сейчас на дворе какой год, знаете? Год журналистики. А нельзя ли обогатить их и оказаться там раньше? Где, в публицистике? Так там образов нет, одни идеи, что играть-то?

Образов нет, а персонажи есть. Не слишком психологически детализированные, но будем честны: психологией пока не главное достоинство наших актеров. Они вон прыгают лучше народных. Назовем это «эстетикой максимума»: громко, ярко, энергично.

А вообще-то публицистика — это же окултуренный, сдержанный, как-то облагороженный вопль: о несправедливости, об опасности, о необходимости что-то изменить. То, что тревожит нас и понемногу все-таки начинает нас перестраивать. Можно, конечно, сидеть и ждать, пока придет умный и добрый дядя и все наладит, а можно и сказать себе, как некогда поэт Дмитрий Кедрин: «О, терпенье мое, оборвись же ты наконец!»

Отсюда и название спектакля-крика «Децибеловый вал». Нельзя ли потише, все время говорим мы, люди в возрасте. Видимо, нельзя. Потише — получается не про то, не про боль. А подзаголовок — «Вариации на темы газетных полос». Это усложняет задачу рецензента: знакомить с содержанием спектакля — значит, пере-

сказывать газетные страницы, в том числе и страницы «Московского комсомольца».

Неблагополучие, там отмеченное, здесь показывают в лицо. Юный грабитель, к тому же «завиво похоронивший родную мать» (на деле все-таки не так страшно: он скрыл существование этой пьяной женщины, чтобы получить пособие). Юные представительницы древнейшей профессии. Художник, рисующий только красные маки, а на самом деле наркоман. Рокеры на мотоциклах. Фашиствующие юнцы из тайного притона. Самоубийцы.

Набор, от которого волосы должны стать дыбом. Но и сама по себе «острота» успеха не гарантирует. Знаете, когда есть ясное ощущение удачи? Когда за темой статьи видна какая-то более глубокая жизненная ситуация.

В ИСТОРИИ грабителя таковой оказывается бездумный автоматизм воспитателей - роботов, судей - роботов и т. д. В сценах с проституцией запоминается больше всего трогательная беспомощность команды комсомольского опертряда. Парень — живой, а вокруг все-таки схемы, и можно утверждать, что он в сущности переиграл своих партнеров, которым достались яркие, броские и, казалось бы, сценически выигрышные роли.

«Звонки в пустую квартиру» не саму по себе наркоманию выводят на свет божий и обличают, а более широкий и привычный для нас ее фундамент: одиночество человеческое.

— Давай с тобой, — держит паузу случайная телефонная собеседница гибнущего на глазах героя. Мы уже все мысленно закончили за нее: «встретимся». Она же находит более точное, шутивное, в стиле установившихся между ними игровых взаимоотношений, продолжение: «...перепишываться». В зале и смеются, и кое-кто плачет.

А вот история с полуфашистским притоном ощущения точности не дает. Иногда ее можно понять только в качестве пародии на штампы в наших рассказах о войне. Вещь тоже возможная, но требующая точности иного класса, просто прецизионной.

Иногда артисты тут как бы упрекают своих персонажей:

— Зачем вы демонстрируете эту отвратительную фашистскую символику?

Пауза. Вопрос сильный. Но возможен и ответ:

— А вы?

Артисты, должно быть, помолчат. А потом найдутся:

— Мы просто играем!

И тут персонажи скажут:

— И мы!

Интересно, что вы здесь им возразите. Эта «игра в игру» получилась очень невнятной по своим эстетическим и воспитательным целям и к тому же попросту затянутой.

А вот конец найден удачный. Он краток. Из шести покушающихся на самоубийство подростков двое своей безумной цели достигают, гласит статистика. А нам не до ее выкладок; мы все думаем, как же так, молодость — и самоубийства. И мысленно переживаем еще раз весь спектакль. (Сценарий и постановка Владимира Книппера, режиссер Елена Батурина).

С ЮДА надо сходить и привести товарищей. Особенно тех, кому не очень-то сладко. Здесь не занимаются назиданиями. Здесь просто говорят: вас видят. О вас думают. Вы не одиноки.

В лучших сценах парни и девушки сегодняшних московских улиц увидят подчас свой жизненный опыт эстетически освоенным, получат возможность взглянуть на него со стороны. Если они поверят хотя бы только в искренность бригады, роющей тоннель к ним, — достигнуто не мало!

Люди вечером пришли в театр. Жизнь продолжается.

М. АРГУС.